

Фантастика в произведениях Гоголя

Гоголевская фантастика необычна. В ее основе, с одной стороны глубоко национальные, народные корни, с другой стороны, она опирается на известные западноевропейские традиции. Перед нами удивительная комбинация украинского фольклорного материала и немецкого романтизма. К тому же особую окраску приобретает она в связи с мировоззрением самого автора. Более того, фантастика эволюционирует от повести к повести.

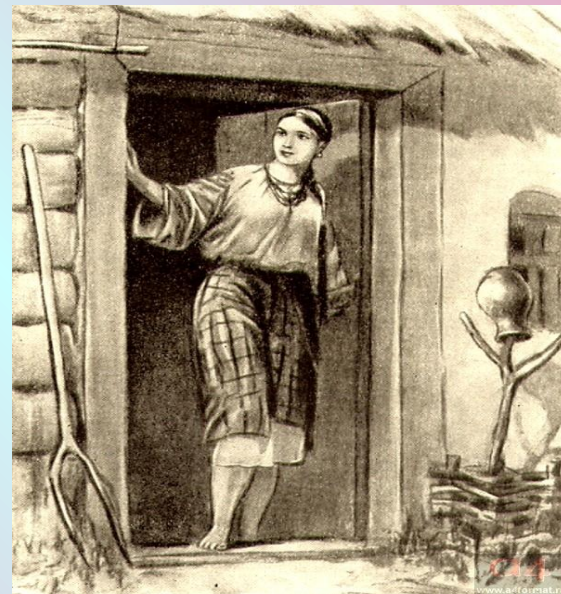
Все произведения Гоголя, в которых так или иначе присутствует фантастика, делятся на два типа. Деление зависит от того, к какому времени относится действие произведения – к современности или к прошлому (давность прошлого: полвека или же несколько веков – не имеет значения; важно, что это прошлое)

В каждом из произведений Гоголь реализует свои, особенные подходы к изображению ирреального, высвечивая при помощи этих «странностей» вполне реальные проблемы человеческой жизни.

"Сорочинская ярмарка" и "Майская ночь..."

В «Сорочинской ярмарке» и «Майской ночи...» время действия начало XIX в., время читателя Гоголя. «Не правда ли, не те ли самые чувства мгновенно обхватят вас в вихре сельской ярмарки?» («Сорочинская ярмарка»). Читатель может принять участие в ярмарке как ее современник и очевидец.

"Сорочинская ярмарка"

В повести «Сорочинская ярмарка» в самом начале возникает ожидание каких-то страшных событий и бед: под ярмарку отведено **«проклятое место»**, в дело **«замешалась чертовщина»**. Обо всем странном ходят слухи.

Купец говорит, что волостной писарь видел, как во окне сарая **«выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже»**

«Все наполнилось слухом, что где-то между товаром показалась красная свитка. Старухе, продававшей бублики ; почудился сатана...»

Прямого указания на ирреальность событий в повествовании нет. Но фантастический отсвет заметен: и в фигуре цыгана и, в образе Хиври.

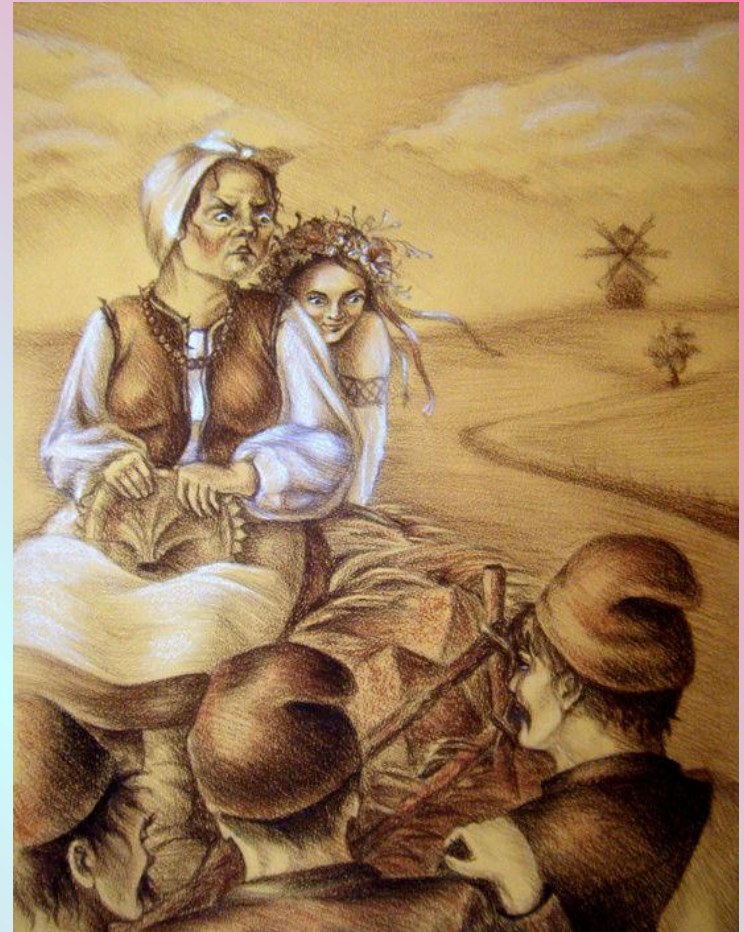
«В смуглых чертах цыгана было что-то злобное, язвительное, низкое и вместе высокомерное... Совершенно провалившийся между носом и острым подбородком рот, вечно-осененный язвительною улыбкой небольшие, но живые, как огонь, глаза, беспрестанно меняющиеся на лице молнии предприятий умыслов, все это как будто требовало особенного, такого же странного для себя костюма».

В другом месте «цыгане» вызывают ассоциацию с гномами: «...они казались диким сонмищем гномов, окруженных тяжелым подземным паром, в мраке непробудной ночи». Гномы (неизвестные украинской и русской демонологии) были подсказаны Гоголю немецкими источниками, причем именно как фантастический образ злой силы.

Двойственно построен в «Сорочинской ярмарке» и образ Хиври. В то время супруга Черевика выступает просто злой, сварливой женщиной, и ведьмой нигде не названа, способ ее описания настойчиво убеждает в обратном. В ее лице «проскальзывало что-то столь неприятное, столь дикое, что каждый тотчас спешил перевести встревоженный взгляд...»

Парубок при встрече с Хиврей бросает ей: «А вот ... и дьявол сидит!» Черевик боится, что «разгневанная сожительница не замедлит вцепится в его волосы своими супружескими когтями». Хивря очень напоминает типичную сельскую ведьму, какой она виделась Гоголю.

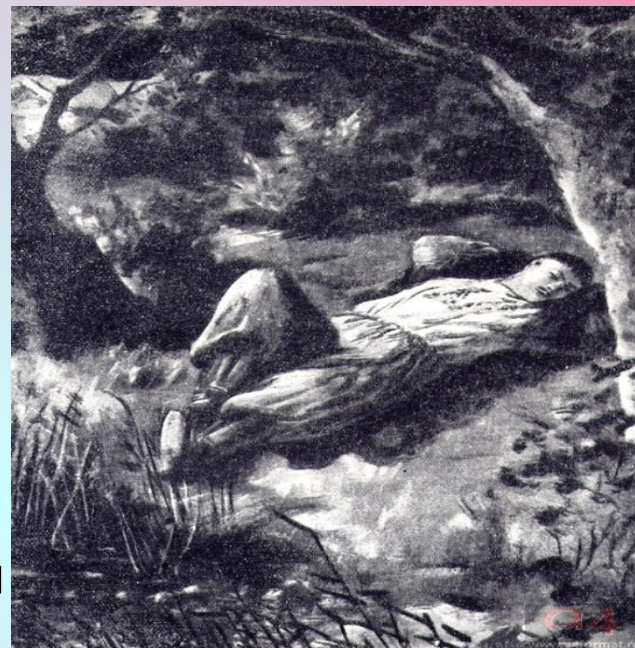

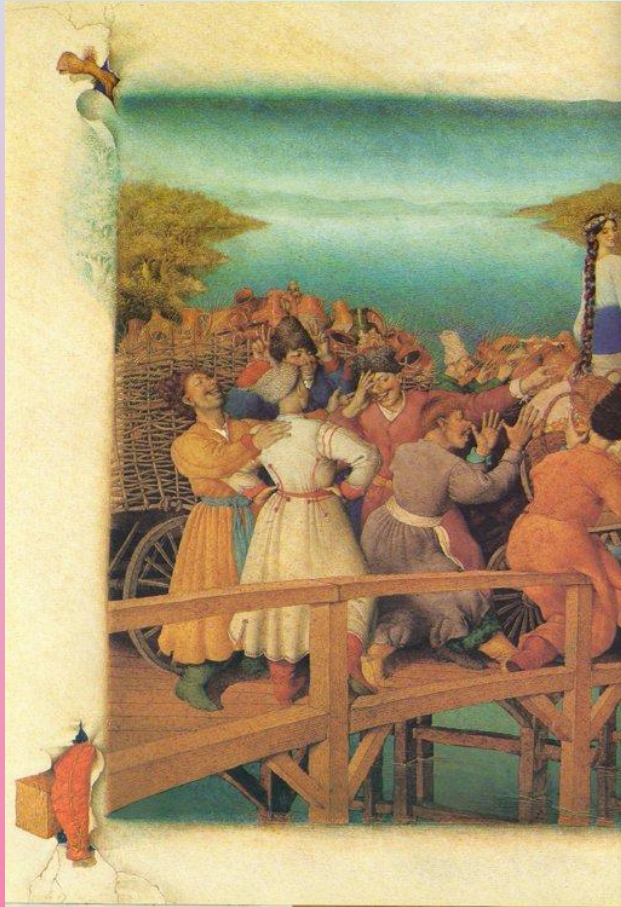
«Майская ночь, или утопленница»

Так же соотносено фантастическое и реальное в «Майской ночи...». Голова приходит к выводу: **«Нет, тут сатана не на шутку вмешался».**

Вновь ходят слухи. **«Мало ли чего не расскажут бабы и народ глупый»**, - предваряет Левко свой рассказ о злой мачехе-ведьме и утопленнице-русалке.

Помимо фантастического оттенка, «Майская ночь...» демонстрирует материальный остаток фантастики. Вторично фантастический план возникает в «Майской ночи...» в форме сна, причем переход от яви ко сну замаскирован. Но вот события сна отменены пробуждением Левко, а в руках его – непостижимым образом оказавшаяся записка от панночки-русалки.

Таким образом, первый этап развития гоголевской фантастики характеризуется тем, что писатель отодвинул носителя фантастики в прошлое, оставив в современном временном плане его влияние, «след».

“Ночь перед Рождеством”

В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» описания чертовщины у Гоголя построены на откровенной аналогичности бесовского.

Ведьма Солоха после путешествия по воздуху предстала в своей избе обыкновенной «сорокалетней кумушкой», «говорливой и угодливой хозяйкой», у которой можно отогреться и «поест жирных вареников со сметаной».

Многие эпизоды это явное снижение представлений о нечистой силе. Достаточно вспомнить черта в аду из «Ночи перед Рождеством», который, «надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал...грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу».

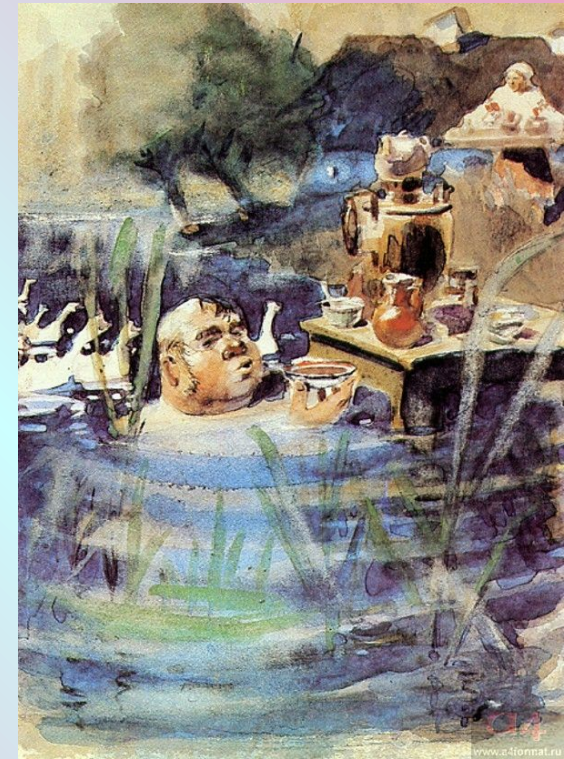

Повесть о том как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем

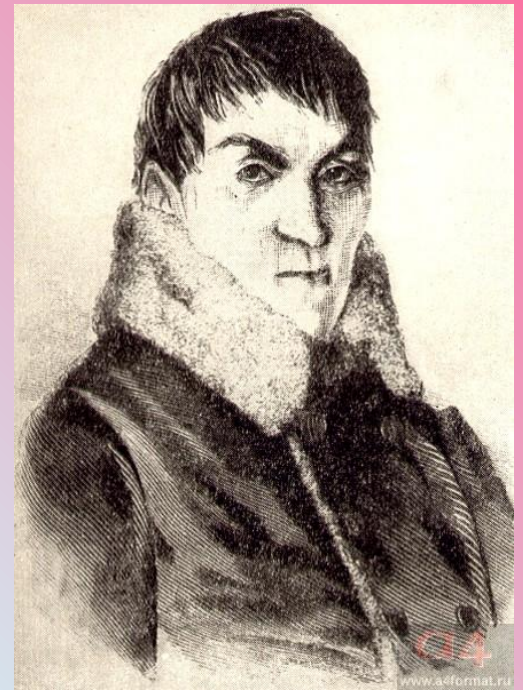

В «Повести о том ,как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем из цикла «Миргород» мы наблюдаем эволюцию фантастики.

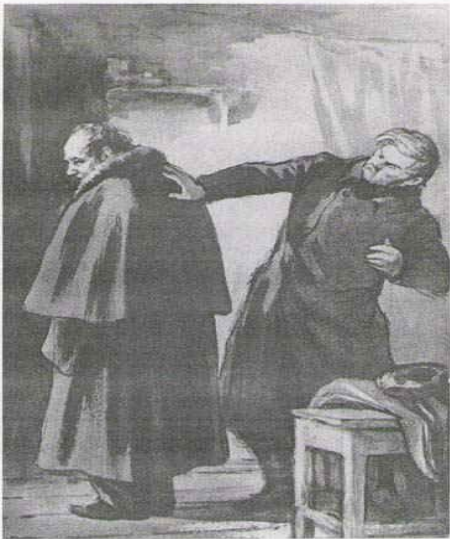
Алогизм в речи повествователя.
Утверждается какое-то качество персонажей, требующие подтверждения ,но вместо этого утверждается совсем другое.
«Прекрасный человек Иван Иванович!
Какой у него дом», «Прекрасный человек Иван Иванович ! Он очень любит дыни».

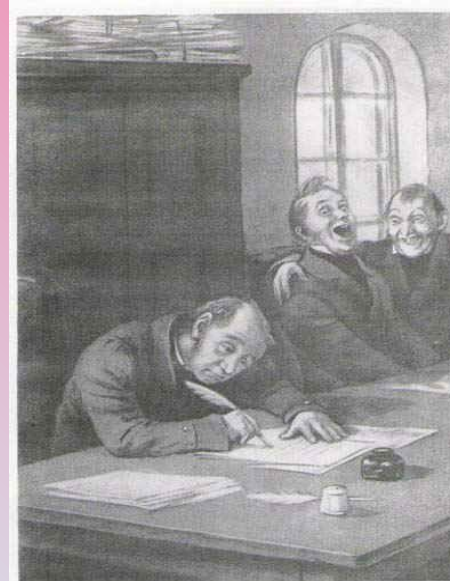
- Наблюдается нечто странное и необычное в именах и фамилиях персонажей.
- Нарушается принятая логическая основа сравнения «Иван Иванович очень сердится, если ему попадется в борщ муха» - «Иван Никифорович чрезвычайно любит купаться».
- Появляется что –то необычное в плане изображения. Удивительным образом в ход дела вмешивается животное. Бурая свинья Ивана Ивановича «вбежала в комнату и схватила, к удивлению присутствовавших, не пирог или хлебную корку, но прошение Ивана Никифоровича...»

"Шинель"

70. Ахакій Ахакіевіч пробає новую шинель
Художник Кукрыніксы, 1952 г., в., ч. ч. акаварель

69. Ахакій Ахакіевіч у департаментэ
Художник Кукрыніксы, 1952 г., в., ч. ч. акаварель

В «Шинели» есть два вида : нефантастическая фантастика и завуалированная фантастика.

В повести осуществляется принцип «мира наизнанку» .

Формы нефантастической фантастики: алогизм в речи повествователя, странное и необычное в именах и фамилиях персонажей.

На первый план Гоголь выдвигает понятие «лицо». У Гоголя «лицо», если оно «значительное», фигурирует как частное обозначение иерархии. Мотив «лица» - составная часть гоголевского гротескного стиля.

Здесь же другой вариант гоголевской фантастики – жизнь после смерти, карнавализация: мертвый оживает, униженный становится мстителем, а обидчик униженным.

Завуалированная фантастика сосредоточена в эпилоге повести. Вводится особый тип сообщения от повествователя – сообщение о факте, якобы имевшим место в действительности, но не имевшим законченного результата.

Это переводит повествование о жизни и смерти «маленького человека» в размышление о неотвратимости наказания и о торжестве высшей справедливости.

Гоголь развивал принцип параллелизма реального и фантастического.

Важная особенность гоголевской фантастики в том, что божественное в концепции Гоголя – это естественное, это мир, развивающийся закономерно, а демоническое - это сверхъестественное, мир, выходящий из колеи.

Итак, Гоголь отодвинул носителя фантастики в прошлое, потом спародировал поэтику романтической тайны сна. Фантастика ушла в быт, в вещи, в ведение людей и в их способ мыслить и говорить.

Решетняк Л.А., МБОУ СОШ № 3
г. Костомукша Республика Карелия